

СТИХОТВОРЕНИЕ-БИОГРАФИЯ КАК ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР В НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

T. Andrzejuschkina

Staatliche Universität Togliatti

DAS BIOGRAPHISCHE GEDICHT ALS GENRE IN DER DEUTSCHEN POESIE DES XX. JAHRHUNDERTS

Im Aufsatz werden die Besonderheiten des biographischen Gedichts als Genre in der deutschen Poesie des XX. Jahrhunderts analysiert.

Стихотворение-биография как лиро-эпический жанр, заметный в литературе с «миграционным фоном», характеризуется скрещиванием разнородных элементов, которые вошли из других, не только поэтических, но и прозаических жанров. Это жизнеописание, героическая песня, легенда о святых, евангелие, хроника, роман, эпитафия, завещание, портрет (сонеты-портреты И.Р. Бехера), автопортрет, стихи с использованием мифологических («Одиссей» (1938) Бехера, «Новый Одиссей» (1948) Л. Фюрнберга, «Икар 64» и «Сизиф 82» Г. Кунерта, «Икар» (1982) Я. Карсунке) и литературных персонажей («Робинзон Крузо» К. Райниг), с которыми поэты идентифицируют себя или героя своего времени. Интерес к жанру стихотворения-биографии в немецкой поэзии XX в. наблюдался трижды: в период военной эмиграции и воспоминаний об этом у Р.А. Шредера («Lebenslauf», 1947), Й. Тоора «Im Winde», 1965), Р. Ауслендер («Biographische Notiz», 1976), в период эмиграции из ГДР несогласных с режимом поэтов (Новак, С. Кириш, Г. Кунерт, В. Бирман и др.), а также у современных поэтов-эмигрантов (А. Эрен, Р. Вагнер, Ф. Ходьяк).

«Бедный Б.Б.» Б. Брехта (1927), стоящее у истоков эмигрантского стихотворения XX в., задает масштаб жанра. Девятистрочное стихотворение, части которого пронумерованы как главы романа (на него, ср.: «О бедном Генрихе» Вольфрама фон Эшенбаха, намекает

название). В провидческом стихотворении-биографии даны основные события жизни писателя: рождение, переезд в город, божественная жизнь, будущие катастрофы и жизнь за океаном. Оно имеет кольцевую композицию и многоуровневый сюжет, который может читаться как день из жизни писателя, его жизнь в целом, жизнь города, страны, цивилизации, мира:

1.

Ich, Bertold Brecht, bin aus den schwarzen Wäldern.
Meine Mutter trug mich in die Städte hinein
Als ich in ihrem Leibe lag. Und die Kälte der Wälder
Wird in mir bis zu meinem Absterben sein.

2.

In der Asphaltstadt bin ich daheim. Von allem Anfang
Versehen mit jedem Sterbsakrament:
Mit Zeitungen. Und Tabak. Und Branntwein.
Misstrauisch und faul und zufrieden am End.

3.

Ich bin zu den Leuten freundlich. Ich setze
Einen steifen Hut auf nach ihrem Brauch.
Ich sage: es sind ganz besonders riechende Tiere
Und ich sage: es macht nichts, ich bin es auch.

4.

In meine leeren Schaukelstühle vormittags
Setze ich mir mitunter ein paar Frauen
Und ich betrachte sie sorglos und sage ihnen:
In mir habt ihr einen, auf den könnt ihr nicht bauen.

5.

Gegen abends versammle ich um mich Männer
Wir reden uns da mit „Gentleman“ an
Sie haben ihre Füße auf meinen Tischen
Und sagen: es wird besser mit uns. Und ich frage nicht: wann?

6.

Gegen Morgen in der grauen Frühe pissen die Tannen
Und ihr Ungeziefer, die Vögel, fängt an zu schrein.
Um die Stunde trink ich mein Glas in der Stadt aus und schmeiße
Den Tabakstummel weg und schlafe beunruhigt ein.

7.

Wir sind gesessen ein leichtes Geschlecht
In Häusern, die für unzerstörbare galten
(So haben wir gebaut die langen Gehäuse des Eilands Manhattan
Und die dünnen Antennen, die das Atlantische Meer unterhalten).

8.

Von diesen Städten wird bleiben: der durch sie hindurchging, der
Wind!

Fröhlich machet das Haus den Esser: es leert es.
Wir wissen, dass wir Vorläufige sind
Und nach uns wird kommen: nichts Nennenswertes.

9.

Bei den Erdbeben, die kommen werden, werde ich hoffentlich
Meine Virginia nicht ausgehen lassen durch Bitterkeit
Ich, Bertold Brecht, in die Asphaltstädte verschlagen
Aus den schwarzen Wäldern in meiner Mutter in früher Zeit [3, S.
228–229].

1. Я, Бертольд Брехт, родом из черных лесов. / Моя мать носила
меня по городам, / Когда я был в ее чреве. И холод лесов / останется
во мне до моей смерти. //

2. В городе из асфальта я у себя дома. С самого начала / Снабжен
всеми сакраментальными вещами: / Газетами. И табаком. И бран-
твейном. / Недоверчив и ленив и доволен, наконец. //

3. Я приветлив к людям. Я надеваю / Цилиндр по их обычаю. /
Я говорю: есть по-особому пахнущие звери / И я говорю: ничего, я
тоже такой.

4. В свои пустые кресла-качалки утром / Я сажаю несколько
женщин / И рассматриваю их беззаботно и говорю им: / Во мне вы
видите того, на кого вам не нужно рассчитывать. //

5. К вечеру я собираю вокруг себя мужчин / Мы обращаемся
друг к другу «Джентельмен» / Они сидят, положив ноги на мои сто-
лы, / И говорят: нам будет лучше. И я не спрашиваю: когда? //

6. Утром к самому рассвету с елей стекает роса / И их вредите-
ли, птицы, начинают кричать. / Через час я выпиваю свой стакан ви-
на в городе и бросаю / Окурки сигареты и беспокойно засыпаю. //

7. Мы, легкий род людей, сидели / В домах, которые считались
неразрушимыми / (Так мы строили длинные корпуса небольшого
островка Манхеттен / И тонкие антенны, которые поддерживают Ат-
лантический океан. //

8. От этих городов останется: то, что пронеслось сквозь них, — ветер! / Дом радуется едока: он его опустошает. / Мы знаем, что мы не вечны / И после нас придут: ничего достойного. //

9. Во время землетрясений, которые наступят, я надеюсь / Не позволить уйти моей Вирджинии с горечью / Я, Бертольд Брехт, переселившийся в города из асфальта / Из черных лесов в чреве матери в прежние времена.¹

Перекрестные неточные рифмы, создающие сцепления между частным и общим, событием и следствием, дополняются аллитерациями, как в героической песне, а затем балладе: Bertold Brecht, bin; meine Mutter trug mich; in ihrem Leibe lag; in der Asphaltstadt ... von allem Anfang; ich sage, es sind ganz besonders, sie sorglos und sage; gegen Morgen in der grauen Frühe; Ungeziefer, die Vögel, fängt an; um die Stunde, in der Nacht, schmeiße; Antennen, das Atlantische Meer; der durch sie hindurchging; wir wissen, dass wir; nach uns, nichts Nennenswertes [3, S. 228–229]. Знаки пунктуации иногда опускаются. При большом числе инверсий и усеченных предложений наличествует небольшое число анжамбеманов. Метрически свободный стих (от 4 до 6 тактов) имитирует разговорную речь.

«Биография» («Lebenslauf») Р.А. Шредера написана в форме ответа на вопрос, напоминает сонет Т. Шторма «Что мне нравится». В нем поэт XIX в., также подводя итоги жизненного пути, в непринужденном разговоре в форме перечисления называет самое дорогое, что радуется его в конце пути. «Возрастное стихотворение» («Altersgedicht») Шредера из книги «Лето старого человека» (1947) переходит с непринужденного тона к барочной стилиевой форме (антитезы и климаксические повторы):

Alter, wenn's sich sagen lässt,
Sag, wie war dein Lebenslauf?
Der mich freigab, hielt mich fest,
Der mich drückte, half mir auf.

Machte mich durch Altern neu,
Machte mich durch Wachstum klein,

¹ Здесь и далее переводы автора статьи. — Т.А.

Stieß mich aus und blieb mir treu,
Gab die Welt: und nichts ward mein;

Hielt Gericht und sprach mich quitt,
Eh mein Frevel noch begann.
Was ich ward und was ich litt,
Rätsel: deute sich's, wer kann [Цит. по: 6, S. 117].

С помощью парадоксов Шредер показывает загадочность жизни, но эта парадоксальность не несет ничего темного или герметического. Речь в обоих случаях – в ощущении свободы и несвободы, страданий и счастья – идет о чувствах верующего человека, который с возрастом укрепляется в вере, смирении, верности религиозному чувству. Стихотворение содержит мотив тщеты: наслаждение красотой, полнотой божественного творения смыкается с убеждением, что человек может наслаждаться, не обладая ею.

Йессе Тоор, эмигрировав в годы нацизма в Англию, написал автобиографическое стихотворение «На ветру» (1934 – 1944 гг.), которое содержит барочное представление о человеке, как о песчинке на ветру:

Am 23. Januar 1905 unter Schmerzen im Schatten einer Monarchie
geboren.

Auf Stroh mit Lumpen zugedeckt, später das Schädelchen kahl
geschoren.

Gelernt bei grauen Schwestern Beten, Singen und Speichel-
schlucken,

wenn Luft im Magen gärt und Träume wie der Frühling seinen
Nacken jucken [10, S. 74].

Сонет, написанный, как сообщает Тоор в последнем терцете, на стене в тюрьме Кенсингтон (Англия), передает настроение заключенного. Рожденный, подобно Христу, в яслях, испытав бедность, «строивший приют свободе – баррикады», хотя «об этом не поет больше ни одна птица от Москвы до Коринфа» и «повсюду остались только одиночество и печаль», поэт, судьба которого «прогнала через всю Европу», ощущает себя «дождем, падающим на ветру». Сонет написан в период, когда поэта, «наследника Вийона и Рембо», как он сам себя называл, «христианского визионера» (М. Хамбургер), стихийного коммуниста, преследовали однопартийцы, считая нацистом

за то, что он покинул партию. Будучи освобожденным, Тоор долго не мог справиться с манией преследования. Его литературный псевдоним свидетельствует о том, что он соотносил свою жизнь со скитаниями пророков (Исайя) [2, S. 15].

Переходным от первого ко второму этапу является биографическое стихотворение 1970-х гг Р. Ауслендера, обращенное к эмигрантскому периоду жизни. Поэтесса связывает эмиграцию с довоенным временем и послевоенным возвращением в Германию, в которой она так и не обрела Родины: «Ich rede / von der brennenden Nacht / die gelöscht hat / der Pruth // von Trauerweiden / Blutbuchen / verstummtem Nachtigallsang / vom gelben Stern / auf dem wir / stündlich starben / in der Galgenzeit // nicht über Rosen / red ich // Fliegend / auf einer Luftschaukel / Europa Amerika Europa // ich wohne nicht / ich lebe» [Цит. по: 11, S. 134] («Я говорю / о горячей ночи / которую потушил Прут // о печальных ивах / кровавых буках / умолкнувших соловьях / о желтой звезде / на которой мы / ежечасно умирали / в жуткое время // не о розах / я говорю // летая / на воздушных качелях / Европа Америка Европа // я не проживаю / я живу»). Воздушные качели Ауслендер перекликаются с воздушными квартирами Х. Домин, Н. Закс, П. Целана, воспоминаниями о Холокосте, концлагерях, бездомности, о подвешенном состоянии не только в эмиграции, но и после нее.

Второй этап в развитии стихотворения-биографии приходится на период эмиграции поэтов ГДР. Биография как таковая важна для поэтов бывшей ГДР. Так, Г. Кунерт писал: «Was man wirklich weiß, ist die eigene Biographie, und nur sie zählt. Das Gedicht ist eine magische und archaische Erscheinung: es kommt nicht nur aus der geschichtlichen Ferne, es steigt auch aus der Tiefe unserer persönlichen Vergangenheit. Und die Wiederholung ist ein Prinzip der Beschwörung: Du musst es dreimal sagen: Und das außerdem immer wieder» [7, S. 9] («Что мы знаем точно, так это собственную биографию, которую можно принимать в расчет. Стихотворение – магическое и архаическое явление: оно идет не только из исторической глубины, оно поднимается также из глубин нашего личного прошлого». А повторение – это принцип заклинания. Нужно все проговаривать трижды. И, кроме того, повторять это снова и снова»). Кунерт возводит стихотворение к древнему жанру магического заклинания (Zauberspruch). Так назван, например, первый стихотворный сборник С. Кирш («Zaubersprüche», 1973).

Под провозглашенным Кунертом поэтическим принципом могли бы подписаться и поэты ГДР, потому что их биографии содержат немало перипетий, повторов в судьбах их современников. Так, биография Х.М. Новак похожа на «приключенческий роман» в смысле перемещений и смены мест жительства, деятельности. Важно, что биографии поэтов ГДР нередко ложились в основу их биографических романов (К. Вольф, Е. Штриттматтер, Х.М. Новак и др.).

Обратимся к стихотворению Х.М. Новак «Годы учения – не годы взросления» («Lehrjahre sind keine Herrenjahre», 1962). Новак пишет свою биографию в связи с историческим развитием Германии: «Mein Vaterland hat mich gelehrt:/ achtjährig / eine Panzerfaust zu handhaben / zehnjährig / alle Gewehrpatronen bei Namen zu nennen / fünfzehnjährig / im Stechschritt durch knietiefen Schnee / zu marschieren / siebzehnjährig / mit der Maschinenpistole gut zu treffen / dreiundzwanzigjährig / meine Mitmenschen zu denunzieren / sechsundzwanzigjährig / das Lied vom guten und schlechten Deutschen zu singen // wer hat mich gelehrt / Nein zu sagen / und eine schlechter deutscher zu sein» [Цит. по: 4, с. 135]. («Мое отечество меня учило: в 8 лет / владеть гранатой / в 10 лет / молиться всем святым при опасности / в 15 лет / маршировать / в глубоком по колено снегу / в 17 лет / попадать в цель из автомата / в 23 года / выдавать своих сограждан / в 26 лет / петь песню / о хороших и плохих немцах // кто научил меня / говорить НЕТ / и быть плохим немцем?»)»

Даты своей жизни Новак (род. 1935) связывает с событиями немецкой истории: 1943 г. – мобилизация последних военных сил в Рейхе после Сталинграда; 1945 г. – переход власти в Германии к странам-победителям; 1950 г. – усиление западно-восточного немецкого конфликта в связи с началом войны в Корее и тенденция к ремилитаризации Германии; март 1953 г. – смерть Сталина; январь 1956 г. – решение Народной палаты ГДР о создании Национальной народной армии; 1958 г. – ограничение гражданских свобод после V съезда СЕПГ; 1961 г. – строительство Берлинской стены. Таким образом, Новак продолжает традиции политической лирики ГДР, выступая в оппозиции к существующему порядку. В 1966 г. она утратила гражданство ГДР, с 1961 г. проживала в Исландии и, вернувшись в ГДР, жила во «внутренней эмиграции», как и другие поэты, не согласные с политикой государства.

По форме стихотворение Новак напоминает тексты поэта-конкретиста Рудольфа Отто Вимера «Придаточные времени» («Zeitsätze»), где возраст поколения немцев начала XX века автор сопрягает с важнейшими историческими событиями в Германии: Первой и Второй мировой войнами, образованием двух немецких государств и др. В отличие от Вимера, выдвигающего на первый план грамматическую парадигму, стремящегося к объективному характеру изложения, Новак, с одной стороны, пишет собственную биографию, с другой стороны, связывает политические события в стране с формированием оппозиционного мышления своих современников. Ее стихотворение заканчивается риторическим вопросом: «Кто научил меня / говорить НЕТ / и быть плохим немцем?», тяготея к документальной прозе, популярной после войны.

В 1970-е гг. пробуждающийся интерес к отдельному человеку в литературе «новой субъективности» привел к «новой» биографичности и автобиографичности. В портретных стихах сборника «Мавзолей» (1975) Г.М. Энциенсбергер дал 37 исторически значительных лирических биографий. Драматурги (П. Вайс, Г. Вольф, П. Хертлинг) и прозаики (Г. де Бройн, Д. Кюн, К. Вольф) тоже обращаются к историческим персонажам. В автобиографиях авторы критически пишут о поколении родителей (Х. Фихте, В. Кемповский, У. Йонсон, К. Вольф, Т. Бернхардт, П. Вайс, Э. Канетти). В контексте биографий вышли собрания писем, дневников, журналов и афористических заметок (У. Йонсон, Р.Д. Бринкман, Г. Айх, К. Марти). Порожденная протестным движением, автобиографически и субъективно окрашена большая часть женской литературы, которая получила широкое распространение с начала 1970-х гг. (Э. Рунге, С. Кирш, У. Крехель, М. Вандер, К. Штрук, Э. Плессен, И. Древиц и др.).

Многие из этих писателей являются поэтами, осмысляя в стихах биографический материал. Так, самоироничный В. Вондрачек характеризует лирику «новой субъективности» в стихотворении «XXX»:

Jetzt schreiben sie alle
einen ziemlich flotten Stil,
knallhart, anbetungswürdig banal,
mit ein paar eingestreuten surrealistischen
Tatsachen, ein paar Kleinigkeiten
In Lebensgröße und, ohne viel Worte,

jede Menge Übertreibungen.
Hauptsache,
es klingt nicht besser als die Zeitung
und du verstehst, was ich meine.
Das ist augenblicklich modern:
die Oberfläche,
das Unterhemd,
das Innenleben der Muskeln. <...>
und die Schwäche für Kraftausdrücke
ist das Stärkste, was sie
zu bieten haben [Цит. по: 9, S. 358].

«Теперь они все пишут / довольно бойким стилем, / жестко, с благоговением к банальностям, / с несколькими рассеянными по тексту сюрреалистическими / фактами, несколькими мелочами / в полный рост и без лишних слов / с массой преувеличений. // Главное, / это звучит не лучше, чем газета / и ты понимаешь, что я имею в виду. / Это в данный момент современно: / поверхность, / нижняя рубашка, / внутренняя жизнь мускулов. <...> / и слабость к крепким выражениям / это самое сильное, что они могут предложить».

Но даже последователь этого стиля Ю. Теобальди настаивает, что достижением этой лирики является то, что «субъект и его жизнь неотделимы от политической истории» [9, S. 357]. Представители «кельнской школы» Р.Д. Бринкман, Н. Борн и Г. Хербургер выразили новую субъективность в форме персональной поэзии будней в привычной песне, состоящей из сознательно безыскусных, простых стихов, не стыдясь пережитой ими банальности, но избегая как герметической затемненности смысла, так и плоских политических формулировок.

«Биография» (1982) Араса Эрена (родился в 1939 г. в Стамбуле, с 1969 г. работал в Берлине, пишет на турецком языке, в Германии его произведения появляются в переводе, стилистически близок эмигрантской поэзии Э. Фрида, Х. Домин, П. Хухеля, Р. Кунце), с одной стороны, продолжает традицию стихотворения-биографии Брехта и поэтов-эмигрантов, поскольку годы эмиграции осмыслиются им в контексте писательской биографии. Этот лиро-эпический жанр является заметным жанром эмигрантской литературы. С другой стороны, стихотворение Эрена, на первый взгляд, близкое жанру

стихотворения-автопортрета, уподобляется жанру полицейского объявления о разыскиваемых гражданах. Сообщаемое дано намеренно в описательном стиле, а мысли, чувства, личные переживания автора остаются за пределами стихотворения, которое приобретает подчеркнуто прозаический характер:

Ich bin Türke, geboren 1939 in Istanbul.

Mein Paß trägt die Nummer TR-B 295136.

Bin 1,85 m groß, wiege 78 Kilo.

Mitten auf dem Kopf habe ich eine Glatze, meine Augenbrauen aber sind buschig;

als besonderes Merkmal habe ich eine große Nase

und einen Schnauzbart (manchmal lasse ich mir auch einen Vollbart stehen).

Ich kam in diese Stadt aus freien Stücken,

ließ mich nieder.

Die Gründe für meinen Privatexil

möchte ich lieber für mich behalten. Ich glaube, was ich

erzähle, genügt euch [8, S. 39–40].

«Я – турок, родился в 1939 г. в Стамбуле. / Номер моего паспорта – TR-B 295136. / Рост – 1,85 м., вес – 78 кг. / На голове лысина, а брови / густые; особая примета – большой нос / и усы (иногда я отпускаю бороду). В этот город я приехал добровольно / и осел здесь. / О причинах своей личной эмиграции я лучше умолчу. Достаточно того, что я сказал».

Противовесом предыдущим текстам может служить стихотворение К. Хензель «Vita» [3, X, с. 148], в котором нет дат и описаний. Оно строится как внутренний монолог лирического героя, проникнутый драматизмом переживаний человека, прошедшего школу унижения, подавления, смирения и прислужничества: «Кому служила я? не / Собственной свинье. / Кому сказала я (отчасти извиваясь) что / Сказанное могло мне стоять хруста / Шеи? А ее гнули для кивка!» [1].

«Портрет Петера Хухеля» Р. Хауфса [3, S. 106–107] тоже авторская интерпретация жанра. Его отличие в том, что это не автобиография, а биография замечательного поэта, редактора знаменитого литературного журнала «Sinn und Form», которая в романной форме могла бы украсить цикл «Жизнь замечательных людей». Каждая из

7 строф стихотворения – описание встречи рассказчика со старшим коллегой, важные этапы и события жизни Хухеля: встречи на конференциях, ссылка, переезд в Рим, литературные чтения во время поездок по ФРГ, невозможность возвращения в родные места.

О широком бытовании стихотворения-биографии в конце XX в. свидетельствует появление стихотворений-автобиографий. Д. Лойпольд (род. 1955) словно в пику поэтам ГДР написала «Непригодную биографию» («Untaugliche Biographie», 1994), в которой она описывает свою достаточно благополучную жизнь, не годящуюся для романного сюжета. Ее роман «Die Helligkeit der Nacht» (2009) написан в пику роману К. Вольф «Нет места. Нигде», отсылающему к не имевшей места в реальности дружбе между Клейстом и Гюндероде. Лойпольд возрождает образ Клейста, который, путешествуя по немецким землям, начинает переписку с Ульрикой Майнхоф. Перечисляя заурядные вехи биографии: учеба в гимназии, обучение игре на музыкальных инструментах, учеба «из любви к книге» в вузе, никаких страданий, сложностей переходного возраста. В конце, подчеркивая непригодность биографии как источника литературного произведения, подытоживается: «Я верю / в вымышленное слово» [3, S. 101], звучащее как кредо поэтессы, разграничивающей мир реальной истории и внутренний мир произведения искусства. Она отказывается от биографического материала как основы произведения искусства, ставя во главу угла художественный вымысел.

Стихотворения немецкоязычных авторов, написанные в 1927–1994 гг., более чем за полвека, свидетельствуют о разнородной природе жанра стихотворения-биографии и о процессе гибридизации при появлении новых примеров данного жанра: легенда (Тоор), хроника (Брехт), документальная проза (Новак, Эрен). Особо популярен жанр в творчестве поэтов с «миграционным фоном», когда пребывание в иноязычной культуре обостряет осмысления проблем собственной идентичности.

Библиографический список

1. Хензель К. Vita / пер. А. Лайко. URL: www.commetmag.ru/archive/18/22.htm#1.
2. Der neue Brockhaus. Lexikon und Wörterbuch. In 5 Bd. Wiesbaden, 1968. Bd. 3.
3. Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart: in 10 Bd. / Hrsg. von G. Lindemann. 3. Aufl. München, 2001. Bd. X.
4. Hoffmann D. Arbeitsbuch. Deutsch Lyrik seit 1945. Tübingen; Basel, 1998.
5. Jahrbuch der Lyrik. Die schönsten Gedichte aus 25 Jahren / Hrsg. von Ch. Buchwald. Frankfurt am Main, 2007.
6. Knörich O. Die deutsche Lyrik seit 1945. 2. Aufl. Stuttgart, 1978.
7. Kunert G. Die Botschaft des Hotelzimmers an den Gast. Aufzeichnungen / Hrsg. von H. Witt. München; Wien, 2004.
8. Ören A. Biographie // Arbeitstexte für den Unterricht / Hrsg. von P. Müller und J. Cicek. Stuttgart, 2007.
9. Rothmann, K. Kleine Geschichte der deutschen Literatur. Stuttgart, 2009.
10. Thoor J. Das Werk. Sonette. Lieder. Erzählungen / Hrsg. von M. Hamburger. Frankfurt am Main, 1965.
11. Vogel H. Gans M. Rose Ausländer. Hilde Domin. Gedichtinterpretationen. Stuttgart, 2004.